

СМЕРТЬ ШУТА

Башлачев. Фамилия, звучащая, как удар бича. Те, кто слышал его песни, знают: такое не забывается. Как не забывается удар инуита. Как не забывается ожог.

Его стихи можно любить до преклонения. Можно не принимать совсем. Можно даже ненавидеть. Невозможно только оставаться к ним равнодушным. Каким-то мистическим образом они проникают в столь интимные глубины человеческой души, что даже против воли вызывают ответную реакцию.

Александр Башлачев. Одна из последних тайн, порожденных тем уникальным организмом, который называется русской поэзией. Ее пик и агония...

Он родился и вырос в Череповце — мрачном городе заводских бараков, где по субботам трудно было встретить хотя бы двух-трех трезвых прохожих из десяти. Может, именно это обстоятельство и способствовало появлению страшной музыки Башлачева? Не знаю. Но знак беды лежит на всех его стихах, даже на самых светлых. Какую бы искрометную или даже пасхальную картинку он ни пытался нарисовать, за радостными красками всегда чудится густая темная полена внутреннего трагизма. Трагизма русской жизни, в которой «по утрам очень скучно, а по вечерам очень страшно». В которой невидимая, неосознаваемая, но словно разлившаяся в воздухе угроза висит над человеком всегда, даже в самые счастливые моменты его жизни.

...Полетят из-под руки клавиши роаяля, и заплывут пузырьки в маминном бокале.
То-то будет хорошо! Смею будет много. Спите, дети. Я пошел. Скатертью тревога.
(«Рождественская»)

Есенин был певцом деревни. Блок — поэтом городской интеллигенции. Но Россия 80-х настолько успешно преодолела различия между городом и деревней, что стихи Башлачева о российской глубинке можно назвать «деревенскими» только очень условно. Слишком мало отличался образ жизни городского люмпена от образа жизни люмпена сельского. Та же нищета, та же безнадежная, пьяная тоска.

Атмосферу гибели и распада не только деревни, но и всей русской жизни, русской цивилизации Башлачев фиксирует точно и беспощадно.

...Не достал нас «Маяк»,
Но концерты по залам сельчан
Под окном по ночам
Исполняет сводный хор нобелей...
По ночам под окном
То ли песня, то ли плач,
То ли крик,
То ли спим, то ли нет.
Не поймешь нас —
ни живы, ни мертвы,
Лишь тропы в крайний дом
Вдоль обрыва вьется,
как змеявил, —
Истоптали весь снег
На крыльце
у миллицианской вдовы...

Он бросил престижную и перспективную по тем временам работу в городской газете. Бросил дом и достаточно сытую беспроблемную жизнь, променяв ее на судьбу бродяги, бомжа. Как Алексей Кольцов. И тем же колыцовойским «раззудись, плечо, размахнись, рука», той же горькой русской удалой веет от многих стихов Александра Башлачева.

...Шальное сердце
руби в окошкун!
Рассыпь гармошка!
Рассыпь гармошка!..
Скользи, дорожка...
...Да и плюсы ноги!
А кровь играет!
Душа дороги не выбирает!
Через сугробы!
Через ухабы!
Молитесь, девки!
Ложитесь, бабы!..

Его называли главой «национального рока». Было ли это так на самом деле? Нет, пожалуй. Просто среди рок-поэтов, представителей последнего пласта живой русской культуры, он был самым ярким и талантливым. Просто он наиболее искренне и пронзительно выразил то, чем болела душа молодежи начала — середины восьмидесятых. Просто он, как всякий настоящий

поэт, предчувствовал и шифровал в своих стихах наше будущее.

Давай жевательной резинкой
Залепим дыры наших ран,
Разбей любимые пластинки,
Утнемся в голубой экран...

Сейчас, когда духовную пищу заменяет гнилое варено низкосортных американских боевиков, штампуемых Голливудом для стран «третьего мира», когда уголовники, жулики и спекулянты всех мастей представляются героями, а честные люди — убогими лопухами-неудачниками, разве не звучат эти строки пророчеством?

...Мы вскроем вены торопливо
Надежной бритвою «Жиллетт»,
Но вместо крови льется пиво
И только пачкает паркет...

Нет, конечно, Башлачев не возглавлял отечественное рок-движение. Поэту импонировала бесшабашная вольница этой среды, и он, несомненно, являлся ее творческим лидером. Творческим, но не идеологическим. Потому что в массе своей движение было слишком космополитическим и славо-западническим. Трагический русский шут в бубенцах, выплескивавший в скomorошеском ерничании боль за Россию, Башлачев не мог принять философии национального поражения. Недаром насмешка над самодовольным Западом и горькая гордость за свой народ звучат во многих его песнях.

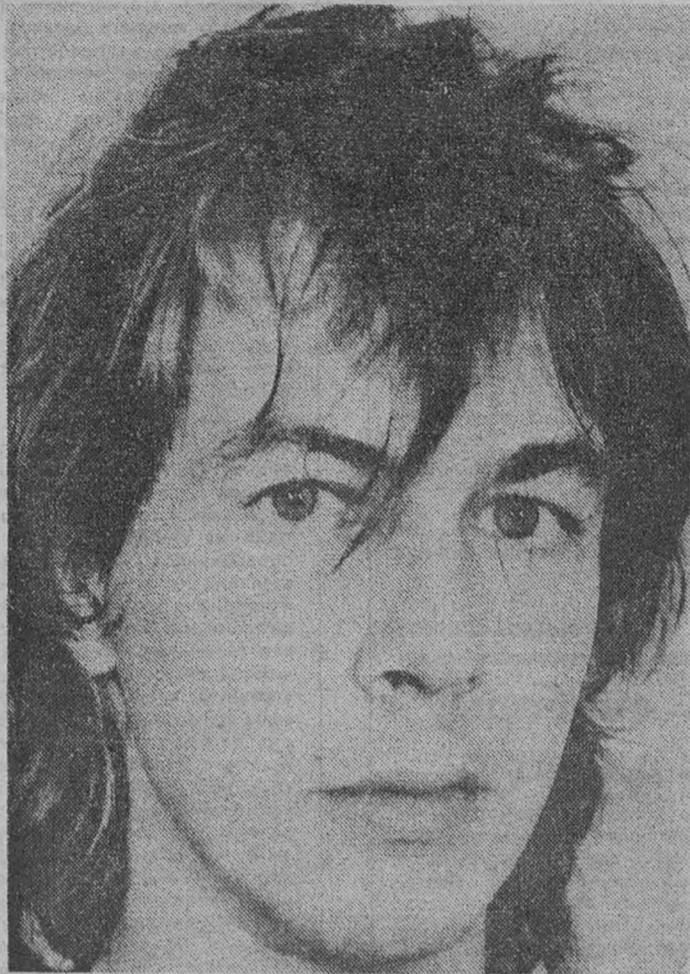
Но причастность к рок-движению давала Башлачеву самое главное — аудиторию. И для него выступления с гитарой в квартирах друзей, знакомых и полужнакомых были, пожалуй, единственной возможностью прорваться к своим произведениям к людям.

Однако ярлык «рокера» сыграл с Башлачевым злую шутку уже после смерти поэта. Его творчество, проходя «по ведомству» рок-музыки, осталось вне сферы внимания серьезного литературоведения. До сих пор существует опасность, что стихи Башлачева окажутся за бортом истории русской поэзии. И это ужасно. Башлачев жил в эпоху «реального социализма», которая сама по себе является совершенно уникальным периодом в развитии человечества.

Первые выступления Башлачева в Москве и Ленинграде сопровождался триумфом. Он принес с собой то, чего так не хватало задыхающимся мегаполисам: живую пульсирующую душу необъятной российской провинции, которая за циничной и злой насмешкой прячет трепетную тоску по идеалам добра и красоты.

Мы с душою нынче врозь,
Пережиток, в обчем.
Отравил ее да бросил —
Ножками потопчем.

Его сравнивали с Высоким. Чуть, ничего общего. Сходство заканчивается на уровне хриплого голоса. При всей красоте и яркости произведения Высоцкого его образная система значительно более проста и прямолинейна, чем у Башлачева. Даже с музыкальной точки зрения эти два похожих на поверхностный взгляд художника радикально различаются: песни Высоцкого рассчитаны на намеренно примитивизированный гитарный аккомпанемент, от усложнения музыкальной ткани они проигрывают, — мелодии Башлачева очень выразительны сами по себе.

Как поэт Башлачев весьма многопланов. Диапазон его творческих приемов чрезвычайно широк: от разудалой фольклорности «Ванюши» до классической строгости «Абсолютного Вахтера».

Ранние стихи Башлачева можно достаточно четко разделить на две категории: «фольклорные», полные разбойной языческой лихости, и интеллигентно-городские. Первые стилистически очень напоминают русские народные песни. Но отнюдь не являются стилизациями, хотя бы потому, что весьма современны и по языку, и по тематике. Башлачев как бы адаптирует традиционное народное художественное мышление к условиям жизни сегодняшнего общества. При этом традиция из сферы чисто исторической, представляющей интерес в основном только для ученых-этнографов, переходит в сферу живого современного искусства. Башлачев преобразует и традицию в области музыки: протяжность и напевность русских песен в его произведениях сменяются жесткими, упругими ритмами, куда более созвучными цивилизации XX века. Однако такая метаморфоза странным образом не уничтожает, а, наоборот, усиливает национальный колорит.

Если забредет кто нездешний,
Поразится живо: эти бедной,
Нашей редкой силе сердешной
Да дури нашей злой,
заповедной.

Выкатим кадушку налусты,
Выпечем ватрушку без теста.
Что, снаружи все еще пусто?
А внутри по-прежнему тесно...

Еще одно свойство «фольклорных» стихов Башлачева — эпичность. В них главное — не переживания отдельной личности, а образ страны, картина народной жизни. И не вина поэта, что картина эта безрадостна. Саморазрушение нации, зашедшей в духовный тупик, не могло не вызывать боли у каждого русского интеллигента. Башлачев ощущал эту боль особенно сильно.

Лишь печаль-тоска облаками
Над седой лесною страной.
Города цветут синими
Да деревни — сыльно чумною.
Кругом бездорожье.

Что к реке торопимся,
траншеи...
братцы?
Стопудовый камень на шею.
Рановато, парни.
купаться!..

Но он верил в потенциал своего народа, в его способность обрести наконец духовную целостность и построить достойную жизнь. Ведь недаром русская душа сохранилась, несмотря на самые жестокие испытания.

Долго шли
Все снесли
Жрали снег
И росли
зноем и морозами.
и остались вольными.
с нашей березовой
вровень с колокольнями.

«Городские» стихи Александра Башлачева достаточно типичны по своей тематике для городской лирики 80-х годов. Одиночество, вопросы нравственного выбора, поиски своего места в мире, не очень приспособленного для жизни в нем человека, наделенного тонкой душой, — все это достаточно банальные темы Башлачев раскрывает с таких неожиданных сторон и подает с такой художественной силой, что они воспринимаются совершенно по-новому.

Одно из характерных стихотворений «городской» серии — «Черные дыры». Человек затерян в недрах чуждого ему общества. Он вынужден соблюдать законы этого общества, но внутренне отождествить себя со средой не может, хотя, вероятно, и хотел бы этого: «Хорошие парни, но с ними — не по пути. Нет смысла идти, если главное — не упасть». С другой стороны, общественное здание, выстроенное «хорошими парнями», не годится для жизни, и «хорошие парни» сами это понимают, только им удобнее делать вид, что все в порядке: «Мы строили замок, и выстроили сортир. Ошибка в проекте, но нам, как всегда, видней...» Герой видит всю габельность такой философии, однако изменить ничего не может. Но и согласиться стать как все, тоже не может: «...Я с малых лет не умею стоять в строю». Поэтому ему остается только одно — уйти в себя, похоронив надежды на само-реализацию: «Я новые краски пытался сберечь для холста, но выкрасил ими ряды пограничных столбов». И отгородился от враждебности мира встречной враждебностью, поскольку другого способа жить нет: «Отныне любой об-

раченный ко мне вопрос я буду расценивать как объявление войны».

Совершенно иная по своей структуре песня «От винта!» Она производит неизгладимое впечатление. Стихи, вызывающие в памяти творческие концепции имажинистов, целиком построены на ассоциативных образах. Кажется, еще немного, и вся конструкция рухнет, обратится в бессмысленный набор слов. Но этого не происходит: эмоциональное напряжение, нарастающее с каждой строчкой, формирует вполне определенное представление о душевном состоянии лирического героя стихотворения.

Наш лечащий врач
Согреет солнечный шприц,
И иглы лучей опять
найдут нашу кровь.
Не надо, не плачь.
Лежи и смотри,
Как горлом идет
любовь.
Лови ее тром!..
Стананы тесны.
Торпедный аккорд
до дна!
Рекламный планат
Последней весны
Качает квадрат окна.

Постепенно духовный портрет человека, балансирующего на грани жизни и смерти, превращается в образ человечества, поставившего себя на край пропасти и бьющегося в тисках собственной недоверчивости, агрессивности, первородного греха.

Стихотворение заканчивается на трагической ноте:

Не плачь, не жалей!
Кого нам жалеть?
Ведь ты, как и я,
был сирота.
Ну что ты, смелей!
Нам нужно лететь.
А ну от винта!
Все, все от винта!

Это ужас, гибель, самоубийство. Но это и катарсис. Не к смерти зовет автор, а к полету, к возвышению над мелким и сиюминутным, равносильному приобщению к Вечности, к Космосу, к Богу.

Александр Башлачев погиб в возрасте 28 лет 17 декабря 1988 года. Выбросился из окна. Эта смерть казалась загадочной. Всего за два дня до самоубийства Башлачев давал публичный концерт. Это выступление заснято на видеопленку, и на запись поэт не выкладывает погруженным в депрессию. Наоборот — поет с удовольствием, наслаждаясь вниманием аудитории и своей ролью бывшего аутсайдера, победоносно вступившего в храм официальной культуры. В чем же дело, что толкнуло его на последний трагический шаг? Говорили, что он был в глубоком творческом кризисе, но творческие проблемы не решаются через смерть. Говорили, что устал от неустойчивости, от бродячей жизни и отсутствия признания, но именно тогда Башлачев собиравшись печатать, ему разрешили выступать и пригласили на главную роль в кино. Говорили, что запутался в личной жизни, но и эти проблемы можно было бы решить, обретя какой-то определенный социальный статус.

Дело, видимо, в другом. Просто Башлачев своим обостренным чутьем художника почувствовал, что его эпоха кончилась. Эпоха преклонения перед Словом, когда за Слово убивали и умирали, а поэт воспринимался общественным сознанием как герой, создающий самое важное в жизни — духовные ценности, — так вот, эта эпоха ушла в прошлое. Началась другая эра. Эра торгашей. И жить в мире, где продажно все — от подтанников до нести, где товаром становятся даже стихи, поэт не захотел. Ведь стихи — это душа. Торговать душой может не каждый.

Дмитрий ЩЕРБАКОВ.